

В.Е. Красовский

Любовная лирика

<...>

В отличие от дружбы, в которой Пушкин ценил постоянство, верность, любовь рассматривалась им как чувство преходящее. Оно, подобно буре, властно захватывало поэта, давало ему мощный источник вдохновения, лишало его свободы, подчиняя «страстям мятежным», но, как всякая буря, угасало, превращаясь в «погасший пепел», «цветок засохший, безуханный». Пушкин не искал вечной любви, вечной для него была только потребность любить. В жизни поэта были многочисленные опыты в духе «науки страсти нежной», ему хорошо знакомо все, что составляет круг любовных отношений: признания и клятвы, разуверения и измены, «могучая страсть» и мягкая нежность.

Пушкин был человеком, жизнь которого прошла среди женщин. Однако любовную лирику Пушкина не следует рассматривать как поэтический аналог его «донжуанского списка». Отметим, что в шедеврах пушкинской любовной лирики — «К***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825), «Я вас любил...» (1829), «На холмах Грузии...» (1829) — говорится именно о чувствах поэта, а не об отношениях, связывавших его с возлюбленными. Не стоит, читая стихотворения «Я вас любил...» или «На холмах Грузии...», искать ответ на вопрос, кого имел в виду поэт, признаваясь в искренней, нежной любви или повторяя, как заклинание, «печаль моя полна тобою, / Тобой, одной тобою...». В стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» отразились две встречи с А.П. Керн — в 1819 и 1825, но реальная жизнь поэта, в которой за шесть лет было немало других женщин, бесконечно далека от поэтической картины, созданной в этом произведении.

Любовь для Пушкина-лирика — предмет высокой поэзии. Она словно выведена за пределы быта, житейской «прозы». «Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, — подчеркивал Пушкин, — унижают поэзию». Стихи Пушкина — вовсе не дневник его любовных побед и поражений. В них мы находим то, чего не в состоянии дать ни одно биографическое «разыскание», касающееся любовных увлечений Пушкина. В них запечатлена не только психологическая правда любовных переживаний, но и выражены философские представления поэта о Женщине как об источнике красоты, гармонии, неизъяснимых наслаждений. Пушкин любил женщин, он воспел Женщину.

В лирике Пушкина оживают его «любви пленительные сны». Это стихи-воспоминания, в которых поэт чутко прислушивается к себе, стремится выразить в слове психологическую уникальность и в то же время сходство своих любовных переживаний. В стихотворении «Я вас любил...» много психологических деталей. Пик чувства пройден, поэт не мучит «болезнь» любви. Он пишет о том моменте, когда чувство уже угасает, но еще «угасло не совсем». В его душе оживает любовь-воспоминание. Это была любовь невысказанная, «безмолвная», не связанная с надеждами на взаимность. Он вспоминает грустные мгновения своего чувства, которое колебалось между робостью и ревностью. Прощаясь с возлюбленной, в последний раз думая о своих чувствах, поэт подчеркивает силу прошедшей любви. Он делает это тонко, деликатно, желая, чтобы «другой» любил женщину так же искренно и нежно, как он. В стихотворении нет ни упреков, ни обид, ни безнадежности. Поэт благодарен женщине даже за «безмолвную» и безответную любовь. К ней он относится бережно и с теплотой: разлюбив ее, он верит в то, что она вновь будет любима.

В этом стихотворении, как и в большинстве стихотворений 1820-х, нет портрета возлюбленной. Черты любимых женщин Пушкин часто видит как бы сквозь дымку воспоминаний и снов. Говорить о них поэту столь же сложно, как и об абсолютной

красоте или о высшем блаженстве, поэтому образы женщин создаются с помощью сравнений и аналогий («Я помню чудное мгновенье...», «Мадонна»). Только так поэт может передать свои впечатления о возлюбленных. В стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» он сравнивает возлюбленную с «мимолетным виденьем», с «гением чистой красоты». Ее «голос нежный» не сливался с житейским шумом, а «милые черты» являлись ему в снах.

Как и в стихотворении «Я вас любил...», здесь на первом плане — субъективные впечатления о женщине. С особой силой в стихотворении подчеркивается мысль о том, что вместе с женщиной появляются «и божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь», которые уходят, когда женщина исчезает из памяти, из снов поэта.

Любовь, «замыкая» перечисление того, что заставляет душу поэта «пробудиться», как бы увенчивает все, из чего состоит жизнь. Именно любовь способна дать человеку высшее наслаждение. Любовь — символ духовного возрождения. Даже сама надежда на «позднюю» любовь, может быть, только на ее «улыбку прощальную», способна примирить поэта с мрачной и безрадостной жизнью. Надежда на то, что новая любовь впереди, — самая высокая и светлая надежда Пушкина («Элегия», 1830).

Стихотворение «На холмах Грузии...» — яркий психологический эскиз состояния поэта, передающий импульсивную смену его чувств и настроений. Элегическое начало, в котором грусть и легкость, светлая печаль кажутся столь созвучными состоянию ночной, засыпающей природы, сменяется «моментальной фотографией» пробуждения бурного чувства — чувства любви. Не умиротворенность ночи, а немолчный шум Арагвы, о котором сказано во втором стихе, созвучен любовному порыву, выраженному во второй части стихотворения. Сердце поэта вновь во власти любви-воспоминания о далекой возлюбленной, от которой его, возможно, отделяет не только пространство, но и время.

Но любовь оживает не только потому, что поэт вспомнил о любимой. В ней источник новых ярких переживаний, она — искра, зажигающая сердце, которое не может не любить. Последние строки («И сердце вновь горит и любит — оттого, / Что не любить оно не может») особенно важны для понимания стихотворения и той концепции любви, которой вдохновлена лирика Пушкина: вечна сама потребность любить, любовь возникает в сердце поэта как эхо женской красоты и гармонии. Даже чужая, неведомая любовь способна наполнить душу поэта «мечтою странной», воскресив целый рой воспоминаний о своей и «чужой» молодости, о красоте и счастье («Цветок», 1828).